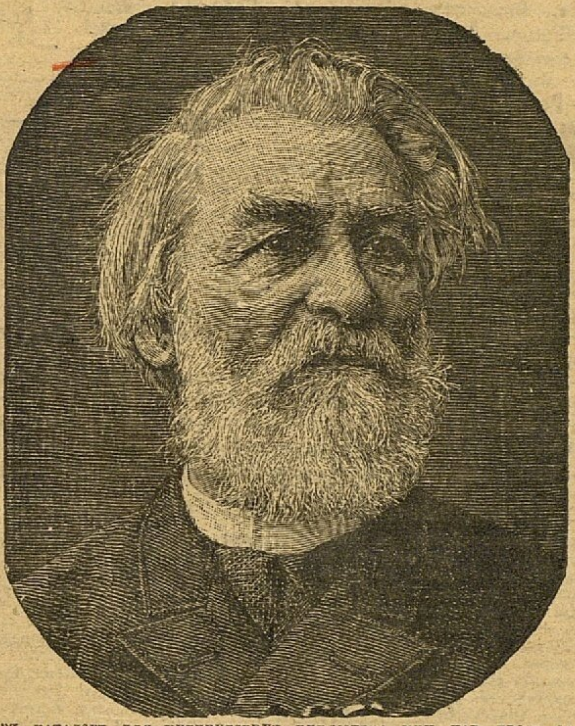
1843. ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ и ОЧЕРКИ 1893.

Д. В. Григоровича.

СВѢТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.



ВНЕСЕНО ВЪ КАТАЛОГЪ ДЛЯ УЧЕНИЧЕСКИХЪ БИБЛІОТЕКЪ МИН. НАР. ПРОСВ. ЗА № 1126.

Одобрено для чтенія въ низшихъ училищахъ.

Циркуляромъ Главнаго Штава одобрено къ обращенію въ войскахъ, для образованія и развитія нижнихъ чиновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца И. Г. МАРТЫНОВА.

1895.

Дорогіе друзья!

Представляемъ вамъ разсказъ Дмитрія Васильевича Григоровича «Свѣтлое Христово Воскресенье». Онъ говоритъ о недавно овдовѣвшемъ бѣдномъ крестьянинѣ Андреѣ, оставшемся наединѣ съ дочкой Ласточкой. Придя встрѣтить этотъ Великій праздникъ въ храмъ, Андрей, по бѣдности своей, удостаивается всяческихъ подарковъ отъ односельчанъ въ храмѣ.

Однако, вернувшись домой, онъ не обнаруживаетъ въ домѣ способа добыть огонь чтобы зажечь пасхальную свѣчу, и обращается за огнемъ къ сосѣдямъ. И на этотъ разъ односельчане отказываютъ ему, объясняясь бытовавшимъ среди нихъ суевѣріемъ. Тогда чудомъ Андрей получаетъ огонь отъ ночевавшихъ въ полѣ людей, а вмѣстѣ съ нимъ и средства къ дальнѣйшей жизни, и въ частности, ко второй женитьбѣ.

Въ началѣ изданія приводится статья В. П. Острогорскаго объ авторѣ, а также перечисляются нѣкоторыя его произведенія съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія, рекомендованныя для прочтенія народными массами.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орѳографіи, вывѣренный по исходному изданію от 1895 года [1].

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

---

[1] Григоровичъ, Д. В. Свѣтлое Христово воскресенье: Святоч. разсказъ / [Соч.] Д. Григоровича. – Санктъ-Петербургъ: Н.Г. Мартыновъ, 1895. – XIV, 18 с.; 23. – (Повѣсти, разсказы и очерки Дмитрія Васильевича Григоровича).

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ и ОЧЕРКИ
Д. В. Григоровича.

СВѢТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

ВНЕСЕНО ВЪ КАТАЛОГЪ ДЛЯ УЧЕНИЧЕСКИХЪ
БОБЛIОТЕКЪ МИН. НАР. ПРОСВ. ЗА № 1126.

Одобрено для чтенія въ низшихъ училищахъ.

Циркуляромъ Главнаго Штаба одобрено для обращенія въ войскахъ, для образованія и развитія низшихъ чиновъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 13 Iюня 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца. Н. Г. МАРТЫНОВА.

Екатерининская № 2.

ВЪ ТИПОГРАФIИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

1895.

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ.

Статья В. П. Острогорскаго. [2]

(Д. В. Григоровичъ. Род. 19 Марта 1822 года).

Д. В. Григоровичъ, выступившій въ литературу почти въ одно время съ Тургеневымъ, справедливо занимаетъ въ ней почетное мѣсто, какъ изобразитель простонародной жизни въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія. Въ этомъ — его значеніе и сила; а потому мы разсмотримъ Григоровича *только* какъ *писателя народнаго*.

Въ чемъ же его сходство съ Тургеневымъ, и въ чемъ отличіе, дѣлающее его (конечно, независимо отъ таланта) едва ли еще не болѣе доступнымъ, интереснымъ и даже, осмѣлимся сказать, **полезнымъ для дѣтей и народа?** Тургеневъ и Григоровичъ изображаютъ крестьянскую и, отчасти, помѣщичью жизнь; и у того, и у другого цѣлая вереница разнообразныхъ типовъ, множество описаній русской природы, деревенскихъ пейзажей, избъ и т. д.; у того и у другого самое теплое отношеніе къ народу, его скорбямъ и печалямъ, ѣдкая насмѣшка и осужденіе тѣхъ, кто заставлялъ народъ страдать; у обоихъ, наконецъ, есть извѣстная художественная мѣра въ изображеніи грязи, почему ими обоими никогда не оскорбляется нравственное чувство читателя. Но на этомъ и кончается сходство. Тургеневъ въ *Запискахъ*

---

[2] Извлечена изъ книги его «Русскіе Писатели» какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.

Охотника ограничивается маленькими очерками типа, и обыкновенно изображаетъ его только въ извѣстный моментъ своей съ нимъ встрѣчи; изъ прежней жизни лица приводится иногда нѣсколько рѣзкихъ чертъ, — и только. Пошелъ охотникъ далѣе — и вотъ уже встрѣтилось новое лицо, другое, третье: снова чудный, полный глубокаго смысла эскизъ, надъ которымъ читатель взрослый, образованный задумается и удовлетворится вполнѣ; но юноша и простолюдинъ могутъ хотя и поразиться имъ, но также скоро и забыть его за другими яркими изображеніями совершенно иныхъ типовъ. Мало того. *Записки Охотника* — вещи слишкомъ глубокія, тонкія, слишкомъ серьозныя, именно въ самой своей простотѣ, не очень-то легко поддающіяся уразумѣнію и полной оцѣнкѣ ума, не привыкшаго къ анализу. Онѣ требуютъ опытнаго руководителя, который сумѣлъ бы разъяснить ихъ, обратить вниманіе дѣтей, и особенно народа, привыкшаго къ нелѣпымъ сказкамъ, къ кудрявому вымыслу, на ту или другую неподдавшуюся анализу черту, объяснить смыслъ изображаемаго явленія, почему въ самостоятельномъ чтеніи, особенно въ первый разъ, для неопытнаго читателя Тургеневъ — писатель очень не легкій. Самая сжатость его разсказовъ, дѣлающая ихъ такими художественными, требуетъ извѣстной зрѣлости мысли. Григоровичъ, напротивъ, никогда не ограничивается очерками. Взявъ извѣстное лицо, или семейство, онъ подробно, даже иногда слишкомъ подробно, разсказываетъ цѣлую его исторію, начиная съ дѣтства, съ образованія семейства, до самой смерти лица, до разложенія семьи (*Рыбаки, Переселенцы, Пахарь*). Въ этомъ случаѣ онъ

напоминаетъ обстоятельностью своихъ описаній Диккенса, котораго напоминаетъ и драматичностью разсказовъ, любовью къ яркимъ, потрясающимъ эффектамъ (напр. послѣднія сцены въ *Антонѣ-Горемыкѣ,* кража быка, ночь на Окѣ, въ *Рыбакахъ*; покража нищими мальчика въ *Переселенцахъ* и мн. др.), а также великолѣпными изображеніями дѣтскихъ характеровъ и обиліемъ трогательныхъ семейныхъ сценъ. Подобно Диккенсу же, Григоровичъ мастеръ заинтересовать читателя интригою разсказа, который онъ ведетъ обыкновенно мастерски, несмотря на всю его сложность и разнообразіе лицъ и событій, такъ что невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя. И это-то мастерство, разнообразіе и драматичность разсказа, нерѣдко потрясающая до глубины души (напр. прощаніе переселенцевъ съ родиной, смерть Глѣба и прощаніе съ Ваней въ *Рыбакахъ*, пропажа *Антоновой* лошади, смерть *Бобыля*), это-то подробное изложеніе повѣсти, какъ отдѣльнаго случая изъ жизни, или цѣлыя художетвенныя біографіи лицъ и семей въ соединеніи съ большей, такъ сказать, доступностью изложенія для массъ, чѣмъ у строгаго, скупого на подробности, великаго портретиста Тургенева, дѣлаетъ г. Григоровича особенно цѣннымъ именно для нашихъ цѣлей. Григоровичъ и разнообразнѣе, почему и плачевнѣе, въ смыслѣ знакомства съ большимъ количествомъ жизненныхъ фактовъ, чѣмъ Тургеневъ. Послѣдній — спеціалистъ собственно крѣпостного права съ точки зрѣнія его гибельнаго вліянія и на крестьянъ, и на господъ, почему и крестьяне, и господа являются у него очень естественно чаще всего со стороны отрицательной. Не

забывая, какъ мы видѣли, человѣческихъ симпатичныхъ сторонъ даже тамъ, гдѣ должно было бы, кажется, заглохнуть, загибнуть все человѣческое, Тургеневъ, по-преимуществу, рисуетъ картины скорби, горя, страданій, конечно, въ прямой зависимости отъ этого же крѣпостного права — и въ этомъ огромная не только художественная, но и гражданская заслуга поэта. Григоровичъ, собственно, этою цѣлью не задается хотя и въ этомъ смыслѣ у него есть вещи потрясающія (*Антонъ-Горемыка, Переселенцы, Бобыль*); онъ просто любитъ вообще народъ, и хочетъ, чтобы послѣдній узнали и полюбили читатели, чтобы оживилась и взволновалась его разсказами душа тѣхъ, кто не окаменѣлъ еще до такой степени, чтобы «*оживляться только за преферансомъ*»... У Григоровича вы знакомитесь и съ рыбачьимъ промысломъ, и съ фабричной жизнью, и съ ярмарками, и съ народными праздниками, и съ жизнью нищихъ, и съ бытомъ шарманщиковъ и акробатовъ, — такъ что этнографическій матеріалъ у Григоровича несравненно богаче, чѣмъ у Тургенева, почему и самая жизнь простонародья обнимается читателемъ несравненно полнѣе. При этомъ авторъ, хотя и изображаетъ множество личностей страдающихъ, уродливыхъ, надломленныхъ, порочныхъ, но это люди страдаютъ и уродуются не только изъ-за помѣщика, или управляющего, но и изъ-за другихъ соціальныхъ причинъ (семейный деспотизмъ, невѣжество, растлѣвающая жизнь на фабрикахъ, пьянство, взглядъ на женщину, лѣность, узкій эгоизмъ съ равнодушіемъ къ бѣдѣ ближняго, недостатокъ разумной дѣятельности для натуръ

широкихъ). Но, рядомъ съ потрясающей правдой народныхъ бѣдствій и страданій, рядомъ съ личностями — отребьемъ общества, авторъ любитъ изображать и простое, тихое счастье и радости простолюдина, личности непреклонной силы и настойчивости, честнаго, тяжелаго, упорнаго труда, на которомъ только и можетъ основаться благосостояніе (Пахарь, Глѣбъ и Кондратій въ *Рыбакахъ,* Савелій въ повѣсти *Кошка и Мышка* и друг.) — Сцены въ родѣ семейнаго вечера, благодарственной молитвы за трудъ, крестинъ, свадьбы — у него однѣ изъ лучшихъ, и образы матерей, женъ, дочерей, отцовъ, дѣдовъ, — словомъ, типы семейные, поражаютъ своею трогательною простотой, полной величайшей силы любви, а иногда даже и тонкой деликатности и нѣжности. Здѣсь кстати коснуться одного, весьма важнаго упрека, который не разъ дѣлала ему критика, — будто *разсказы его страдаютъ сентиментальностью и излишней идеализаціей простонародной жизни, что, впрочемъ, объясняется временемъ, въ которое нужно было возбудить особенное сочувствіе къ народу*. Вотъ что говоритъ по этому поводу и самъ авторъ на послѣдней страницѣ одного изъ лучшихъ своихъ произведеній «*Рыбаки*»: «*Не стану утруждать читателя описаніемъ этой сцены* (свиданіе Вани съ Дуней и дѣдушкою Кондратіемъ). *И безъ того уже найдется много людей, которые обвинятъ меня въ излишней сентиментальности, излишнихъ, ни къ чему не ведущихъ* **изліяніяхъ**, *обвинятъ въ неестественности и стремленіи къ идеаламъ, изъ которыхъ всегда* **невѣсть что выходитъ**... *и проч. Доскажу въ*

нѣсколькихъ словахъ исторію моихъ **сермяжныхъ** *героевъ*. Дѣйствительно, если сравнить Григоровича со многими писателями, такъ называемой, *натуральной* школы, думавшими, что, изображая одну грязь жизни во всей ея отвратительности, они идутъ по стопамъ великаго Гоголя, или даже — съ нѣкоторыми писателями современными, у которыхъ, кромѣ ругани да народной дурости, почти ничего и нѣтъ, то произведенія этого, уже давно почти замолкшаго, литературнаго дѣятеля могутъ показаться человѣку, мало знакомому съ нашимъ простонародьемъ, особенно удаленнымъ отъ городовъ и не испорченнымъ еще фабричной жизнью, черезчуръ идеализированными. Дѣйствительно и то, что авторъ, подобно Диккенсу, любитъ оканчивать свои даже самыя печальныя повѣсти идиллическимъ счастіемъ (*Переселенцы*, *Рыбаки*, *Кошка и Мышка*, *Прохожій* и нѣкоторыя другія): — но, рядомъ съ личностями положительными, напр. Глѣбъ, Савелій, у него является много и личностей отрицательныхъ (Гришка, Захаръ); да и въ изображеніи самыхъ лучшихъ людей изъ крестьянъ онъ не закрываетъ глазъ на ихъ недостатки и темныя заблужденія. Такъ, въ личности напр. самого Глѣба, представленнаго очень симпатичнымъ, рядомъ съ качествами, заставляющими его уважать, встрѣчаемъ такія черты, какъ самый грубый деспотизмъ главы дома, самодурное упрямство и эгоизмъ очень мелкаго свойства. Что же касается изображенія народныхъ добродѣтелей, то онѣ почти исключительно семейныя, зависящія отъ нашего родового быта, который, какъ можно видѣть почти изъ всѣхъ произведеній поэта,

отнюдь не представленъ съ одной только *розовой* стороны. Да и представляетъ авторъ эти добродѣтели преимущественно въ старикахъ-дѣдахъ да женщинахъ, по самой натурѣ своей болѣе привязанныхъ къ семейству. Такимъ образомъ, *сермяжные* герои представлены авторомъ такъ, что, выставляя темныя черты ихъ характеровъ, авторъ не только не закрывалъ глазъ на свѣтлыя, но, напротивъ, останавливался на нихъ подробнѣе и представлялъ ихъ особенно тепло. За такой способъ представленія народной жизни, если и можно назвать его *идеалистомъ,* воспитатель долженъ быть особенно благодаренъ автору, такъ какъ этотъ способъ, внося въ душу юноши начало *трогательнаго*, поселяетъ въ ней особенное участіе къ народнымъ несчастіямъ и радостямъ, къ его интимной сердечной жизни, закрытой отъ глазъ наблюдателя непроницаемой грубой внѣшностью. *Идеализація* Григоровича не есть плодъ сентиментальнаго воображенія; она коренится въ *дѣйствительныхъ,* хотя, относительно, и *рѣдкихъ хорошихъ* сторонахъ нашего народа; поэтъ, какъ художникъ, творческимъ талантомъ своимъ сдѣлалъ ихъ только ярче, рельефнѣе.

Изъ сочиненій Д. В. Григоровича, по нашему мнѣнію, для нашихъ цѣлей можно остановиться на слѣдующихъ:

1. *Мать и дочь.* 2. *Зимній вечеръ.* 3. *Шарманщики.* 4. *Деревня.* 5. *Четыре времени года.* 6. *Прохожій.* 7. *Бобыль.* 8. *Антонъ-Горемыка.* 9. *Свѣтлое Христово воскресенье.* 10. *Смедовская долина.* 11. *Рыбаки.* 12. *Пахарь.* 13. *Переселенцы.* 14. *Кошка и Мышка.* 15. *Гуттаперчевый мальчикъ.*

Кромѣ романовъ, повѣстей и разсказовъ г. Григоровича изъ народнаго быта, нельзя не остановиться на извѣстномъ его путешествіи *Корабль Ретвизанъ* (1858 и 1859 г.), въ остроумныхъ и художественныхъ очеркахъ, расположенныхъ въ семи большихъ главахъ, знакомящихъ съ путемъ въ Данію, первымъ иностраннымъ, датскимъ городкомъ Ниборгомъ, Гамбургомъ и Копенгагеномъ, военной гаванью Брестомъ, парижскими впечатлѣніями, съ Кадиксомъ, Севильей и ея окрестностями и, наконецъ, съ Генуэй и Ниццей. Путешествіе на Ниццѣ и обрывается, такъ что обратнаго пути въ книгѣ нѣтъ; но и то, что есть, представляетъ яркую картину всего встрѣчавшагося на пути, съ чѣмъ автору пришлось познакомиться во время стоянокъ военнаго корабля, на который онъ былъ приглашенъ въ 1858 г. Морскимъ Министерствомъ, въ качествѣ сопровождающаго экспедицію литератора. За исключеніемъ очень немногихъ *пропусковъ,* вся книга прочитается юношествомъ съ удовольствіемъ и пользой. Интересъ чтенія увеличивается еще и благодаря цѣли автора, который самъ говоритъ, что, *отправляясь за границу, далъ себѣ слово вести подробный журналъ и въ наблюденіяхъ своихъ держаться постоянно такой методы, чтобы все видѣнное ставить въ параллель* съ нашимъ національнымъ. Такимъ образомъ, онъ обращаетъ вниманіе на обработку земли, удобства жизни за границей, сравнительное довольство страны, образованность, вѣжливость, гуманность, приличіе, трезвость жителей, промышленность, искусства, уваженіе къ родной старинѣ, — словомъ, на все то, чему намъ слѣдовало бы у иностранцевъ поучиться,

при чемъ, вовсе не скрываетъ ихъ темныхъ или смѣшныхъ сторонъ. Какъ ни кратковременны были наблюденія писателя, но подъ его проницательнымъ взглядомъ все, имъ видѣнное, живымъ встаетъ въ воображеніи читателя, какъ напримѣръ описанія природы, городовъ, соборовъ, вообще, зданій, физіономій разныхъ народностей и мѣстныхъ нравовъ, такъ что у читателя является желаніе видѣть все это самому. На чтеніи *Корабля Ретвизанъ* и *Фрегата Паллада* наше юношество наглядно можетъ учиться тому, какъ нужно путешествовать съ пользой и удовольствіемъ, ничего не пропуская безъ вниманія и вдумываясь въ причины тѣхъ или другихъ явленій.

Но за изображеніями жизни собственно *заграничной* въ книгѣ г. Григоровича удѣлено не мало мѣста и *жизни корабля. Цѣль рисовать* именно *корабельную* жизнь поставлена г. Григоровичемъ, по его собственнымъ словамъ, *наравнѣ съ очерками странъ,* и потому въ книгѣ встрѣчаемся съ описаніями и вооруженія судна, долговременныхъ сборовъ въ путь, Кронштадта, проводовъ, каютъ и первой ночи на кораблѣ. Весьма интересны такжее корабельные типы, напр. метрдотеля Мишеля Пупо, и особенно матросовъ, изъ которыхъ болѣе подробно представлены *Михайло Шестаковъ* и *Старшій боцманъ*, при чемъ авторъ разсказываетъ о наборѣ матросовъ, ихъ казарменной жизни, семействахъ, образованіи, продовольствіи, наконецъ, рисуетъ трогательную картину похоронъ на кораблѣ.

ЧТО ЧИТАТЬ НАРОДУ?

КРИТИЧЕСКІЙ КАТАЛОГЪ КНИГЪ ДЛЯ НАРОДНАГО И ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

СОСТАВЛЕНЪ УЧИТЕЛЬНИЦАМИ ЖЕНСКОЙ ШКОЛЫ.

СЕЛЬСКІЕ РАЗСКАЗЫ Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

Начавъ изображать народную жизнь, Григоровичъ занялъ видное мѣсто въ русской литературѣ. Бѣлинскій въ немногихъ, но теплыхъ словахъ привѣтствовалъ это вступленіе автора на новый путь; критика отнеслась къ нему съ восторгомъ. Дѣйствительно, сочиненія Григоровича, въ которыхъ описывается жизнь русскаго народа, оставляютъ далеко за собой всѣ остальныя произведенія этого автора. Мы остановимся только на сочиненіяхъ Григоровича, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ **сельскихъ разсказовъ** и представляющихъ собой весьма цѣнный матеріалъ чтенія для народа. Мы не коснемся также и двухъ его большихъ романовъ «*Переселенцы*» и «*Рыбаки*», такъ какъ разборъ ихъ слишкомъ увеличилъ бы размѣры нашего труда. Къ тому же, оба эти произведенія пользуются заслуженной популярностью настолько, что каждая народная библіотека несомнѣнно сочтетъ своею обязанностью пріобрѣсти ихъ.

Сельскіе разсказы Григоровича весьма богаты этнографическимъ матеріаломъ: въ нихъ читатель можетъ познакомиться и съ жизнью пахаря, съ крестьянами-промышленниками, съ фабричной

жизнью, съ народными праздниками и повѣрьями, и съ крѣпостнымъ правомъ. Вообще, Григоровичъ является въ нихъ изобразителемъ народной жизни сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Рисуя фабричную жизнь, Григоровичъ указываетъ на ея развращающее вліяніе и, какъ бы въ противоположность ей, выставляетъ жизнь пахаря, горячимъ поборникомъ которой является во всѣхъ своихъ очеркахъ.

Въ сочиненіяхъ Григоровича много драматизма, эффектныхъ сценъ, оставляющихъ по себѣ сильное впечатлѣніе, а также много теплоты и задушевности. **Въ большинствѣ случаевъ Григоровичъ подробно описываетъ жизнь своихъ героевъ, не упуская ни малѣйшихъ деталей, что составляетъ большое достоинство его разсказовъ, дѣлая ихъ доступными для массъ.**

БОБЫЛЬ. (ПОВѢСТЬ). Въ холодную осеннюю ночь въ село Комково, гдѣ въ это время былъ приходскій праздникъ, пришелъ умирающій старикъ. Онъ зашелъ на скотный дворъ къ помѣщицѣ; добрая старушка сначала было приняла въ немъ большое участіе, но затѣмъ, смущаемая словами своей сосѣдки, пугавшей ее смертью неизвѣстнаго человѣка, обратилась къ старостѣ, чтобы тотъ избавилъ ее отъ пришельца. Вся деревня, узнавъ о больномъ старикѣ, собралась въ убогую избу, гдѣ на соломѣ, чуть дыша, лежалъ умирающій. «Никто, однако, изъ толпы, окружавшей бѣдняка», говоритъ авторъ: — «не трогался съ мѣста; всѣ глядѣли на него, вылупивъ глаза, съ какимъ-то притупленнымъ любопытствомъ, и только глухой ропотъ пробѣгалъ иногда съ одного

конца избы до другаго.

«— Да что вы съ нимъ больно кобянитесь, послышался чей-то голосъ: — ведите его, и все тутъ; чего ждете? небось, хотите, чтобы померъ да всѣмъ бѣду накликалъ?»

Когда старику помогли встать, онъ «медленно поднялъ костлявыя, сухія руки свои къ головѣ и стащилъ шапку; послѣ этого правая рука его еще медленнѣе поднялась кверху, и трепещущая, невѣрная кисть ея прильнула къ страдальческому челу, потомъ къ груди и робко сотворила крестное знаменіе».

Такова поразительная картина грубости и жестокости, рисуемая Григоровичемъ.

Мы думаемъ, что чтеніе даннаго разсказа, производящаго потрясающее впечатлѣніе, небезполезно, такъ какъ, повторяемъ, факты, подобные описанному, могутъ встрѣтиться въ народѣ, у котораго и теперь еще существуетъ — отчасти и вполнѣ основательная, а отчасти и превратная — боязнь суда, доходящая иногда до крайнихъ размѣровъ, а потому мы рекомендуемъ эту повѣсть для развитыхъ подростковъ и взрослыхъ.

ДЕРЕВНЯ. (ПОВѢСТЬ). Разсказъ о несчастной, тяжелой жизни сиротки Акулины составляетъ содержаніе повѣсти «*Деревня*». Акулина рано осталась сиротой; ее взяла къ себѣ крестьянка Домна, сварливая, безалаберная женщина. Нелегко жилось сироткѣ въ чужой семьѣ: попреки, брань, побои — все должна была терпѣть несчастная дѣвочка. Запуганная, забитая, она чуждалась людей и постоянно искала уединенія. Когда Акулина стала взрослой дѣвушкой, она, по приказанію барина, желавшаго видѣть

крестьянскую свадьбу, вышла замужъ. Мужъ ея долгое время работалъ на фабрикѣ, и фабричная жизнь вконецъ исковеркала и развратила его. Бѣдная Акулина попала изъ огня да въ полымя; жизнь ея стала еще тяжелѣе. Женившись по принужденію, мужъ Акулины и вся родня его возненавидѣли молодую женщину. Вся ея привязанность, вся ея нѣжная заботливость сосредоточилась теперь на маленькой дочкѣ; съ ней она не разставалась, для нея только и дорожила жизнью. Но непосильный трудъ, тяжелыя работы, взваливаемыя на нее, надломили ея нѣжную натуру; она становилась все слабѣе и слабѣе и, наконецъ, умерла.

Повѣстъ производитъ тяжелое, безотрадное впечатлѣніе. Вся она представляетъ собою цѣлый рядъ картинъ страданій, мученій, тяжелаго гнёта, преслѣдовавшаго Акулину до самой смерти. Въ ней нѣтъ побочныхъ вставочныхъ сценъ, нѣтъ свѣтлыхъ лицъ, на которыхъ хотя немного могло бы отдохнуть чувство читателя, возмущенное грубымъ насиліемъ людей, мучащихъ несчастную женщину. А между тѣмъ книга читается съ огромнымъ интересомъ; съ трепетомъ слѣдитъ читатель за участью Акулины, ожидая исхода всѣмъ ея страданіямъ и спрашивая себя: неужели же не найдется ни одного человѣка, который своимъ теплымъ словомъ, своею дружеской рукой освѣтилъ бы хотя на короткое время жизнь страдалицы?

АНТОНЪ-ГОРЕМЫКА. (ПОВѢСТЬ). Появившись въ 1848 г., повѣсть «*Антонъ-Горемыка*» имѣла громадный успѣхъ и пріобрѣла автору громкую извѣстность. Въ ней главное мѣсто занимаетъ вопросъ

о крѣпостномъ правѣ. Теперь эта повѣсть издана, какъ и другіе разсказы Григоровича, отдѣльной брошюрой.

Мы не будемъ передавать содержанія этого извѣстнаго произведенія Григоровича, пользовавшагося въ свое время громадной популярностью, и посмотримъ только, насколько оно въ настоящее время пригодно для народнаго чтенія.

Герой повѣсти, Антонъ, является въ продолженіи всей повѣсти личностью въ высшей степени свѣтлой и симпатичной. Его готовность пожертвовать собой ради «міра», его отношеніе къ семьѣ, его трудолюбіе, кротость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мужество ставятъ его нравственно выше всей остальной массы. И мы думаемъ, что художественное воспроизведеніе такой личности, какъ Антонъ-Горемыка, должно непремѣнно оказать благотворное вліяніе на воспріимчиваго читателя, и потому нельзя не пожелать распространенія этой повѣсти въ народѣ. Что же касается той непосредственной зависимости, въ которой находится судьба Антона отъ крѣпостного права, то она, дѣлая повѣсть до нѣкоторой степени несвоевременной, все же не уничтожаетъ того интереса и пользы, съ которыми можетъ читаться «*Антонъ-Горемыка*». Слѣды крѣпостного права, память о немъ еще очень сильны въ народѣ, да и Антоны-Горемыки не перевелись на Руси.

Повѣсть эта рекомендуется нами для подростковъ и взрослыхъ.

КОШКА И МЫШКА. (ПОВѢСТЬ). Описаніе жизни одной изъ крестьянскихъ семей, жившей во времена крѣпостного права, ея горя и радостей, даетъ содержаніе повѣсти «*Кошка и Мышка*». Главнымъ

лицомъ въ ней, сосредоточивающимъ на себѣ вниманіе читателя, является старикъ Савелій. Хотя Савелій и не пахарь, тѣмъ не менѣе онъ нѣсколько напоминаетъ собой Анисимыча («*Пахарь*»): та же бережливость и расчетливость, то же уважаемое положеніе въ семьѣ и въ кругу односельчанъ. Вообще, это образъ честнаго деревенскаго труженика, являющійся во многихъ произведеніяхъ Григоровича. Въ жизни Савелія, разсказываемой авторомъ довольно подробно, замѣчается одна характерная и весьма симпатичная черта: онъ добивался всего исключительно своими собственными усиліями и всегда, во всемъ былъ обязанъ только самому себѣ.

Будучи уже старикомъ, Савелій выстроилъ на сбереженныя имъ деньги водяную мельницу, и это предпріятіе, правильно разсчитанное, стало давать ему большую выгоду. Семья его пользовалась довольствомъ и счастіемъ. Въ повѣсти много прекрасныхъ и идиллическихъ сценъ, въ которыхъ разсказывается жизнь старика посреди своей семьи. Особенно живо и тепло описана радость Савелія при рожденіи внука.

Старикъ давно желалъ имѣть внучатъ, и теперь, когда желаніе его исполнилось, онъ съ энергіей и любовью принялся дѣлать люльку для новорожденнаго. Однако вслѣдъ за радостью не замедлило явиться и горе: совершенно случайно Савелій купилъ водку не въ томъ районѣ, въ которомъ онъ жилъ, вслѣдствіе чего откупщикъ потребовалъ съ него большой штрафъ. Савелій поѣхалъ въ городъ, думая, не смилуется ли надъ нимъ откупщикъ. Однако надежда его не оправдалась: откупщикъ остался

непоколебимъ. Описаніе поѣздки Савелія въ городъ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, особаго вниманія читателя — не какъ обличеніе несуществующей уже откупной системы, но какъ проявленіе того контраста, какой существовалъ между Савеліемъ, находящимся въ своей деревнѣ, и Савеліемъ, стоящимъ предъ откупщикомъ: тамъ его уважали, любили; здѣсь надъ нимъ издѣвались; тамъ, давая себѣ правильную оцѣнку, онъ смотрѣлъ, высоко поднявъ голову; здѣсь же не смѣлъ поднять глазъ; какой-то внутренній голосъ шепталъ ему, «что передъ нимъ теперь сила и воля страшная, — сила и воля, которыя все ломили, предъ которыми все должно было уступать и склоняться. Робость подступала къ его сердцу и путала его мысли; онъ казался такимъ жалкимъ, маленькимъ, раздавленнымъ, уничтоженнымъ». Другой же голосъ говорилъ: «не бойся, дядя Савелій! не робѣй! смотри прямо, — смѣло и прямо смотри въ глаза откупщику Пукину! Не пугайся его, дядя Савелій, не кажись такимъ маленькимъ и подавленнымъ. Выпрямь спину, подыми сѣдую голову, взгляни ему гордо въ глаза. Не ты предъ нимъ маленькій, — онъ предъ тобой прахъ и крошка! Ты вѣдь также капиталистъ, дядя Савелій. У тебя сорокъ цѣлковыхъ, и каждый грошъ твоего капитала выбитъ честнымъ трудомъ и покрытъ по́томъ; каждый грошъ его милліоновъ заклейменъ плутней. Кто же изъ васъ двухъ богаче? Кто? Не робѣй же, дядя Савелій, не робѣй! Ободрись и прямо смотри на откупщика Пукина, онъ прахъ предъ тобой, честный ты труженикъ! Прахъ предъ тобою — частицей той могучей, прочной силы, предъ которой откупщикъ Пукинъ съ его милліонами ничтоженъ,

какъ самая ничтожная былинка, сорванная вѣтромъ съ кучи негоднаго сора!»...

Мы позволили себѣ привести такую длинную выдержку, желая обратить вниманіе учителя на это мѣсто, такъ какъ думаемъ, что оно можетъ дать богатый матеріалъ для бесѣды со взрослыми учениками.

Изъ другихъ лицъ, являющихся въ повѣсти, обращаютъ на себя вниманіе — Гриша, членъ семьи Савелія, живой и симпатичный мальчикъ, очерченный весьма удачно, и несчастный крестьянинъ Андрей, хоронящій своихъ дѣтей. Въ общемъ повѣсть носитъ на себѣ идиллическій характеръ и заканчивается для Савелія и его семьи вполнѣ счастливо.

Повѣсть эта была прослушана съ большимъ интересомъ подростками и взрослыми, бывшими учениками и ученицами сельской школы.

ПАХАРЬ. (ПОВѢСТЬ). Разсказъ написанъ въ высшей степени тепло, и чтеніе его производитъ отрадное впечатлѣніе на читателя.

Мы рекомендуемъ эту повѣсть для подростковъ и взрослыхъ.

СВѢТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ. (ПРОСТОНАРОДНОЕ ПОВѢРЬЕ). Въ основу этой повѣсти положено народное повѣрье, которое мы встрѣчаемъ въ сборникѣ Даля. Повѣрье это содержитъ въ себѣ разсказъ о бѣдномъ вдовцѣ-крестьянинѣ, который, возвратившись отъ заутрени, сталъ просить у сосѣдей огня, чтобы зажечь свѣчу предъ иконой; ему въ этомъ отказали («въ большіе праздники и особенно наканунѣ Свѣтлаго Христова воскресенья рѣдкій

поселянинъ рѣшается дать сосѣду огня изъ опасенія, чтобы требуемое въ заемъ не вывелось изъ дому»); тогда онъ отправился къ чумакамъ, расположившимся вблизи деревни; тѣ снабдили крестьянина пригоршней углей, оказавшихся золотыми червонцами. Сосѣди, узнавъ объ этомъ и желая также обогатиться, въ свою очередь отправились къ чумакамъ. Но имъ пришлось обмануться въ своихъ ожиданіяхъ: уголья, которые имъ дали, оказались только угольями, и несущіе ихъ получили сильные обжоги.

Этотъ фантастическій эпизодъ является въ концѣ разсказа; весь же онъ вполнѣ реаленъ и состоитъ въ описаніи жизни крестьянина Андрея со своей маленькой дочкой, Ласточкой. Герой разсказа представляетъ собою типъ тихаго, трудолюбиваго пахаря.

Чрезвычайно живо и тепло описано отношеніе Андрея къ маленькой дочери, а также его молитва у заутрени, куда онъ въ первый разъ пошелъ послѣ смерти жены. Какъ грустно было ему возвращаться въ свою деревню, гдѣ его изба выступала темнымъ пятномъ среди другихъ освѣщенныхъ жилищъ. Никогда не чувствовалъ онъ себя такимъ одинокимъ и несчастнымъ, какъ въ день Свѣтлаго Христова воскресенья; но этотъ же самый день принесъ ему и счастіе: онъ разбогатѣлъ и могъ жениться на любимой дѣвушкѣ, а также могъ ужъ быть покоенъ, что его маленькая дѣвочка будетъ теперь и сыта, и одѣта.

Читая этотъ разсказъ, невольно проникаешься симпатіей и жалостью къ бѣдному пахарю, такъ что окончаніе разсказа, хотя и сказочнаго характера,

производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Фантастическій элементъ, занимающій видное мѣсто въ сюжетѣ повѣсти, какъ-то стушевывается предъ той жизненной правдой, съ которой она написана.

Разсказъ этотъ можетъ быть рекомендованъ для малолѣтнихъ, подростковъ и взрослыхъ.

МАТЬ И ДОЧЬ. (ОСЕННІЙ РАЗСКАЗЪ). Дѣйствующими лицами этого разсказа являются помѣшанная Маша, женщина лѣтъ 22-хъ, высокая, блѣдная, худая, съ продолговатымъ лицомъ и необыкновенно тонкими чертами, и мать ея, сгорбленная, хилая старушка, одѣтая въ лохмотья. Маша была первая работница въ селѣ, прекрасная хозяйка и мать; она сильно была привязана къ своимъ дѣтямъ и никогда не раздавалась съ ними. Однажды, въ какой-то праздникъ, всѣ въ мужниной семьѣ Маши напились пьяными, и ночью золовка Маши задушила нечаянно своего ребенка; въ избѣ поднялась тревога, шумъ. Маша, не понявъ, въ чемъ дѣло, и думая, что умеръ ея ребенокъ, пришла въ отчаяніе, стала метаться изъ стороны въ сторону, кричать. Ее связали и начали бить. Съ этой поры она и потеряла разсудокъ.

И вотъ эту-то Машу и ея мать два раза встрѣчаетъ авторъ. Въ первую ихъ встрѣчу старуха ведетъ дочь къ мужику, о которомъ она слышала, что онъ очень успѣшно лѣчитъ. «Глубокая, безнадежная грусть была главнымъ и, въ то же время, единственнымъ выраженіемъ этого лица, изрытаго временемъ и изнеможеннаго всевозможными лишеніями... Видно было по всему, что горе ея слишкомъ сильно и подавляло въ ней всѣ остальныя чувства. Изъ распухнувшихъ глазъ ея струились слезы,

скользили по морщинамъ и капали ей на грудь...» Дочь медленно шла за ней, прижимая къ груди палку, которую «спеленала она тряпьемъ на подобіе грудного младенца»

Второй разъ авторъ встрѣтилъ мать и дочь во время переправы на паромѣ. Лицо матери было спокойно; въ немъ не было ни прежняго отчаянія, ни прежней скорби. Что же сказалъ ей крестьянинъ-знахарь? Вылѣчилъ онъ Машу? Нѣтъ, — Маша оставалась помѣшанной, а знахарь сказалъ старухѣ, что человѣкъ не властенъ помочь ея дочери, и чтобы она покорилась волѣ Божьей. И мать покорилась. «Каждая черта ея дышала спокойствіемъ и кротостью, какія встрѣчаются только у людей, которые, будучи потрясены страшнымъ горемъ, не падаютъ духомъ, а, укрѣпившись вѣрою, переносятъ съ покорностью, терпѣливо и безропотно удары Провидѣнія».

Въ разсказѣ, какъ ужъ можно видѣть изъ переданнаго содержанія, много драматизма. Горе матери, образъ помѣшанной дочери и грубое обращеніе съ нею мужниной родни производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе.

Мы рекомендуемъ этотъ разсказъ исключительно для взрослыхъ.

ПРОХОЖІЙ. (СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ). Въ холодную зимнюю ночь шелъ прохожій; вѣтеръ сбивалъ его съ ногъ, снѣгъ слѣпилъ глаза, морозъ пронималъ до костей; несчастный уже терялъ всякую надежду дойти до какого-нибудь жилья, какъ вдругъ послышался лай собакъ, мелькнули огоньки — вотъ и деревня. Прохожій стучитъ въ одну избу, въ другую — нигдѣ его не впускаютъ погрѣться, отдохнуть, и только

одинъ молодой парень, живущій со старухой-матерью, соглашается пріютить его.

Въ ту же ночь прохожій умеръ, оставивъ добрымъ людямъ, пригрѣвшимъ его, деньги, которыя онъ сберегалъ въ продолженіи всей своей жизни. Послѣ этого происшествія молодой парень женился на любимой имъ дѣвушкѣ, дочери старосты, родители которой прежде весьма недружелюбно относились къ Алексѣю, такъ какъ онъ былъ очень бѣденъ.

Такова фабула разсказа, построенная главнымъ образомъ на случайности. Но не на ней сосредоточивается главное вниманіе читателя: интересъ разсказа состоитъ въ тѣхъ художественныхъ картинахъ празднованія святокъ, которыя мы встрѣчаемъ въ немъ. Колядки, ряженые, пирушка у одного изъ крестьянъ — все это описано авторомъ живо и вѣрно. Читатель изъ этого описанія легко можетъ познакомиться съ празднованіемъ святокъ въ деревнѣ, съ обычаями, которые существуютъ у крестьянъ въ это время. Лица, дѣйствующія въ разсказѣ (староста, его жена, дочь ихъ, отставной солдатъ Алексѣй, его мать и др.), очерчены также весьма удачно.

«*Прохожій*» можетъ быть читаемъ не только взрослыми, но и дѣтьми средняго возраста.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА. Повѣсть «Четыре времени года», принадлежащая къ лучшимъ произведеніямъ Григоровича, читается взрослыми простолюдинами съ большимъ интересомъ. Мы же со своей стороны особенно ее рекомендуемъ ученикамъ городской школы. Она даетъ полное понятіе о трудовой жизни земледѣльца, о его заботахъ,

надеждахъ, радостяхъ и горѣ. Въ ней показана та тѣсная связь, которая существуетъ между человѣкомъ и природой, та зависимость, въ которой находится первый отъ послѣдней. Жизненныя картины, рисуемыя авторомъ въ этой повѣсти, вѣрны и поэтичны.

СМЕДОВСКАЯ ДОЛИНА. (РАЗСКАЗЪ). Сколько жизни, сколько драматизма въ этомъ небольшомъ, прекрасномъ очеркѣ! Въ немъ нѣтъ ни растянутости, ни тенденціозныхъ разсужденій. А сцена прощанія старика съ невѣсткой, въ немногихъ словахъ, сколько страданія выражено въ ней! Деморализующее вліяніе разгульной фабричной жизни изображено также очень ярко и не можетъ остаться незамѣченнымъ читателемъ.

Мы рекомендуемъ этотъ разсказъ для взрослыхъ.

СВѢТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ.

I.

Было около десяти часовъ ночи, прозвучалъ первый ударъ колокола... Звукъ этотъ, разливаясь волнистыми кругами, посреди ночного затишья, не замедлилъ проникнуть въ избушки, къ совершенной радости старушекъ и дѣдовъ, давно уже ждавшихъ заутрени. Не было, впрочемъ, человѣка, который не встрѣтилъ бы съ радостнымъ сердцемъ благовѣста. Въ эту минуту, за пять верстъ въ окружности, въ самыхъ дальнихъ лачужкахъ, все разомъ встрепенулось и сотворило крестное знаменіе... То же самое сдѣлалъ пахарь Андрей — изъ Выселокъ, лежавшій въ какомъ-то забытьи на своей печкѣ. Заслышавъ говоръ сосѣдей, сбиравшихся на улицѣ, онъ сбросилъ овчину, спустился на-земь, сѣлъ на лавку и началъ приготовляться въ дорогу.

Угасающій, чуть вздрагивавшій свѣтъ лучины озарялъ тусклымъ блескомъ стѣны и лавки избушки. Кругомъ было мрачно и холодно. Черный земляной полъ, голыя заплеснѣвшія стѣны, подпертыя кое-гдѣ осиновыми плахами, кой-гдѣ вымазанныя глиной, нѳдостатокъ тепла, столь любимаго мужичкомъ, отсутствіе горшечковъ, домашняго обиходнаго хлама и всего того, что свидѣтельствуетъ присутствіе хлопотливой хозяйки, или бабушки-радѣльницы, показывало, что Андрей далеко не принадлежалъ къ числу мужиковъ зажиточныхъ. Наружность самого хозяина, длиннаго, худого, прикрытаго ветхимъ

кожухомъ и сутуловато-пригнувшагося къ лучинѣ, еще краснорѣчивѣе подтверждала такое мнѣніе. Все это было совершенно справедливо; но совсѣмъ тѣмъ, тяжелое чувство, возбуждаемое окружавшею бѣдностію, мгновенно исчезало, какъ только пахарь подымалъ голову. Блѣдное, продолговатое лицо его дышало такою добротою, такимъ тихимъ, невозмутимымъ покоемъ, что невольно становилось легче на сердцѣ. Движеніе мужика, точно такъ же, какъ и глаза его, спокойно обращавшіеся вокругъ, обличали нравъ тихій и терпѣливый. Свѣтлое выраженіе, съ какимъ прислушивался онъ къ благовѣсту, казалось, ясно передавало состояніе мягкой и кроткой души его и еще сильнѣе располагало въ его пользу.

Тишина въ избушкѣ, прерываемая говоромъ народа, спѣшившаго къ заутренѣ, мало-по-малу распространилась надъ всей деревней. Стало вдругъ такъ тихо, что можно было слышать, какъ вѣтеръ шумѣлъ соломой на макушкѣ кровли. Изрѣдка звуки колокола, то умолкавшіе и какъ-будто пропадавшіе въ отдаленіи, то внятно звучавшіе, какъ серебряная струна, проносились надъ избушкой...

Андрей поднялся на ноги, провелъ ладонью по лбу и бережно подошелъ къ печкѣ. Мѣрное, легкое дыханіе, раздававшееся съ печи, вызвало улыбку на губахъ его; онъ вернулся къ свѣтцу, взялъ лучину и, заслоняя свѣтъ рукою, сталъ потихоньку подыматься по стремечкамъ. Ослѣпительный блескъ лучинки упалъ тогда прямо на дѣвочку лѣтъ четырехъ, свернувшуюся клубкомъ между трубой и перекладиной; подложивъ обѣ ручки подъ щечку,

слегка закраснѣвшуюся, пригнувъ худенькія, длинныя ножки къ локтямъ, она казалась миловидною даже подъ лохмотьями. Продолговатое личико, которому бѣлокурые, курчавые и взбитые, какъ пухъ, волосы придавали еще болѣе худобы, было схоже во всемъ съ лицомъ Андрея. Каждая черта дѣвочки напоминала пахаря. Замѣтивъ, что свѣтъ безспокоилъ сонъ ребенка, Андрей поспѣшно отвелъ руку съ лучиной за уголъ, потомъ нагнулся къ лицу дѣвочки и, прикоснувшись слегка къ плечу ея, произнесъ нерѣшительно:

— Проснись, Ласточка... слышь, благовѣстятъ... пора къ заутренѣ...

Она медленно протянула ножки и вздохнула; вслѣдъ затѣмъ, не открывая глазъ, перевернулась она па спину, закинула тоненькія свои ручки за голову и снова вздохнула. Секунду спустя, ровное дыханіе ребенка извѣстило Андрея, что Ласточка заснула еще крѣпче прежняго. Ему стало жаль будить ее. Спустившись на-земь, Андрей прикутался потеплѣе въ кожухъ, снялъ съ шестка старый зипунъ, взлѣзъ на печь, завернулъ въ него дѣвочку и, уложивъ ее между своею овчинкою и грудью, сошелъ на полъ. Онъ погасилъ лучину и вышелъ на улицу, плотно заперевъ за собой калитку.

Деревушка, къ которой принадлежалъ Андрей, была ни что иное, какъ выселки изъ большого села, лежавшаго верстъ за пять. Выселки состояли всего-навсего изъ десятка лачужекъ брошенныхъ въ кучу, посреди неоглядныхъ полей и болотъ, глухихъ и топкихъ, безъ признака кусточка, или дерева. Слѣва только, по дорогѣ къ селу, подымалась высокая гора,

усѣянная рѣдкими стеблями тощаго хвороста и перерѣзанная оврагами. Но гора эта уединяла еще болѣе равнины, тянувшіяся къ Выселкамъ. Мертвыя во всякое время года, кромѣ развѣ лѣта, когда оживляли ихъ хоры болотныхъ лягушекъ, крики коростелей и дикихъ утокъ, или сѣрыя долговязыя цапли, появлявшіяся кой-гдѣ на кочкахъ, равнины не представляли покуда ни малѣйшаго одушевленія.

Андрею немного нужно было времени, чтобы оставить за собой деревню: изба его стояла второю отъ околицы. Пройдя по шаткой доскѣ, перекинутой въ видѣ моста черезъ канавку, огибавшую гумна, онъ вскорѣ очутился на проселкѣ, извивавшемся по направленно къ горѣ. Ночь была свѣтлая. Мѣсяцъ еще не зарождался, но взамѣнъ его миріады звѣздъ дрожали въ темно-синемъ, безоблачномъ небѣ. Хотя, по всѣмъ примѣтамъ, ждали теплой весны, морозъ, однакожъ, былъ порядочный. Овражки и колеи, обращенныя во время дня въ веселые, журчащіе ручьи, были наполнены ледяными иглами, звонко хрустѣвшими подъ ногами. Было такъ тихо, что шаги Андрея, ступавшаго по мерзлой дорогѣ, отдавались за цѣлую версту.

II.

По мѣрѣ того, какъ Андрей приближался къ горѣ, шагъ его замѣтно становился медленнѣе; свѣтлое выраженіе на лицѣ его смѣнялось грустью — чувствомъ, согласовавшимся какъ нельзя болѣе съ пустынною мѣстностью. Казалось даже, что самые звуки колокола, долгіе и дребезжащіе, къ которымъ

прислушивался онъ съ такою радостью, потеряли для него свою прелесть. Да, тяжелыя воспоминанія долженъ былъ пробуждать въ немъ этотъ вечеръ!

Годъ тому назадъ, не болѣе, шелъ онъ къ той-же заутренѣ, по той же дорогѣ, и все улыбалось ему. Онъ, правда, былъ точно также бѣденъ: бѣднѣй его тогда не было во всемъ околоткѣ; но что до этого! Бѣдность свою перемогалъ онъ терпѣливо и безропотно. Онъ зналъ, что иначе не могло статься, трудно было тянуть въ уровень съ сосѣдями. Въ какомъ домѣ не сыщешь, кромѣ хозяина, хозяйки да малыхъ ребятъ, подмогу: гдѣ братъ — лишнія руки, гдѣ старикъ со старухой, гдѣ батракъ наемный; у Андрея ни того, ни другого; онъ да жена на все, про все. Оба они не любили сидѣть сложа руки или обжигаться на печкѣ: Андрей и покойная жена его работали дружно день-деньской, наровя ни въ чемъ не упустить: ни въ полѣ, ни въ хозяйствѣ. Онъ доволенъ былъ малымъ: скирда ржицы, возка два сѣна для лошадки, и слава тебѣ Господи! А какъ придетъ съ поля домой, возьметъ на руки трехлѣтнюю Ласточку, здоровенькую и крѣпенькую, сядетъ съ нею за столъ супротивъ горячихъ щецъ, которыя приготовитъ бывало хозяйка, — такъ куда! и веселъ нашъ Андрей, не натѣшится! Смиренъ былъ. Легче ему было потерять лишній клокъ соломы или хвороста, чѣмъ взять то и другое нахрапомъ да поднять шумъ на улицѣ. «Э, Господь съ ними! моимъ добромъ не разживутся!...» скажетъ бывало, махнетъ рукой, да и поплелъ въ избу съ легкимъ сердцемъ. Кроткой душѣ его скорѣе сродни были тяжелыя работы по хозяйству, непокорная соха и кляча, чѣмъ мировыя ссоры да

выпивки. Хотя въ крестьянскомъ быту, точно такъ же, какъ во всякомъ другомъ (если еще не болѣе), трудно взять кротостію... какъ разъ прослывешь простосплетеннымъ и сядутъ тебѣ на шею, но съ Андреемъ жили, однакожъ, ладно и безобидно. Рѣдкій, впрочемъ, не былъ въ долгу у него: тому подсобилъ ось подвести, другому смастерилъ, всѣмъ на удивленье, конька на макушку кровли, или подвелъ узорочье подъ окно, третьему клячу на ноги поставилъ. На все былъ гораздъ, и будь сила въ семьѣ, вытянулъ бы не хуже другого.

Итакъ, Андрей жилъ счастливо, какъ вдругъ, неожиданно, сразило его страшное горе: онъ овдовѣлъ. Безпечный и веселый, онъ совсѣмъ упалъ духомъ; съ потерею жены онъ впервые почувствовалъ всю свою бѣдность. Къ счастію еще, время было такое, что недолго позволяло горевать: пора стояла лѣтняя, рабочая; что ни сѣкни — лишняя копна въ скирдѣ, а оплошалъ — ее какъ бы и вовсе не бывало. (Не топоръ кормитъ мужика — іюльская работа!) Андрей поднялъ на руки дѣвчонку свою, проводилъ покойницу на погостъ, да скорѣй за серпъ и косу; некогда было, горькому, кулакомъ слезъ отереть. Клонитъ онъ, сердяга, свою голову, приближаясь вечеркомъ къ лужайкѣ. Уже не слышится ему знакомый шумъ веретена, не летятъ на встрѣчу ласковое слово, или веселая пѣсня, не вьется надъ горшечкомъ трубы сизой струйкой дымъ... нѣтъ! уже не согрѣетъ ему души привѣтливый огонекъ лучины, когда, возвращаясь позднимъ зимнимъ вечеркомъ, покрытый снѣгомъ и инеемъ, устремитъ онъ глаза на мелькающую вдалекѣ избенку! Одинъ сталъ, сирота

круглый; и пуще еще клонитъ онъ свою голову, войдя въ пустынное жилище. Какое житье мужику безъ хозяйки!... то же, что одна лучина горитъ въ избѣ — много ли свѣту въ ней?... Кто жъ этого не знаетъ: какъ одѣтъ тепло, да поѣшь хорошо, да лошадка сыта — на душѣ спокойно и сработаешь лишнее: безъ этого человѣкъ безъ духа, что вино безъ хмѣля; сколько ни надсажайся, никакой спорины въ рукахъ не будетъ.

Минуло лѣто, минула и осень. Не успѣлъ Андрей и горе свое выплакать, какъ смотритъ, ужъ и Матрена зимняя пришла — встала зима на ноги. Подули вѣтры сѣверные, принесли съ собой стужу и вьялицу. Лютый вихрь крутить опавшіе звонкіе листья, шипитъ и воетъ, обѣгая помертвѣлыя поля и овражки, врываясь въ ворота и потрясая до заваленокъ смоченную ливнемъ избушку. Тоска еще неотступнѣе запала въ душу Андрея, когда лачужку его занесло сугробами снѣга, когда наступила зима съ своими трескучими морозами.

Въ эту пору всѣ поселяне сбиваются подъ одну кровлю, въ одно родное гнѣздо, подъ одинъ кожухъ, на одну печку. И тогда какъ лѣсъ, занесенный снѣгомъ, трещитъ подъ бременемъ инея, въ поляхъ темно и холодно, въ теплыхъ избушкахъ каждая семейка — ребята, старики, отцы и матери — усаживаются вокругъ лучины, начинаются длинные розсказни, — Андрей одинъ, какъ воробышко, забился въ темный уголъ на холодной печкѣ и сидитъ себѣ нахохлившись. Къ тому же къ тоскѣ начала одолѣвать его не на шутку бѣдность. Рубашонка пообносилась, кафтанишко худенькій; Ласточку не во что стало прикутать, да и самому-то совѣстно въ люди показаться. И видитъ

Андрей близкую свою гибель, видитъ, что придется грызть окна, да просить милостыню...

Было, правда, въ тѣхъ же Выселкахъ одно доброе существо, которое старалось, и часто не безуспѣшно, отвести душу Андрея, Дарья (такъ звали это существо) была бѣдная дѣвушка, сирота круглая, проживавшая, въ качествѣ батрачки, у одного изъ зажиточныхъ мужиковъ деревушки. Общая почти доля, близкое сосѣдство (избы ихъ отдѣлялись всего-на-все однимъ плетнемъ) какъ-то невольно сблизили ее съ Андреемъ. Оба смирные, работящіе, они легко пришлись по нраву другъ другу. Хотя до сихъ поръ не было между ними близкаго разговора, Андрей зналъ, однакожъ, что дѣвушка не прочь была выйти за него замужъ, и самъ частенько объ этомъ думалъ. Но какъ уладить это дѣло? Онъ ясно видѣлъ всю несбыточность такихъ помысловъ. И въ самомъ дѣлѣ, до свадьбы ли людямъ, которые, какъ говорится, крыты свѣтомъ да обнесены вѣтромъ, когда обоимъ надо было думать о томъ только, какъ бы прожить день Господень!...

Такъ всегда думалъ Андрей, такъ думалъ онъ и теперь, приближаясь къ горѣ, отдѣлявшей приходское село отъ полей Выселокъ. То забываясь въ прошломъ, то переходя къ настоящему, мысли его остановились наконецъ на Дарьѣ; это обстоятельство усилило только тоску пахаря. Преданный весь своимъ думамъ, онъ не замѣтилъ, что началъ уже подыматься на гору. Холодъ становился, однакожъ, ощутительнѣе; при поворотѣ дороги изъ рытвины на ровный скатъ вѣтеръ пахнулъ съ такой силой въ лицо Андрея, что онъ невольно остановился поправить шапку. Ощупавъ

Ласточку, которая спала крѣпкимъ сномъ, и увѣрившись, что ей было тепло, онъ окинулъ глазами мѣстность, исполосованную темными колеями и оврагами; измѣривъ мысленно то, что оставалось ему пройти въ гору, онъ снова пустился было въ путь, когда до слуха его нежданно коснулись шаги, звонко раздавшіеся въ тишинѣ ночи. Андрей повернулся назадъ. Немного погодя, изъ за крутого поворота, недавно имъ покинутаго, показалось бѣлое пятно, которое замѣтно выростало на темной дорогѣ. Думая, что это какая-нибудь баба изъ Выселокъ, запоздавшая къ заутренѣ, Андрей рѣшился выждать ее. Баба замѣтила, съ своей стороны, мужика и, обрадованная, вѣроятно, случаю напасть на проводника въ такую позднюю пору, спѣшила къ нему навстрѣчу.

III.

Андрей не мало удивился, когда женщина поровнялась съ нимъ и онъ узналъ въ ней Дарью. Дѣвушка, съ своей стороны, казалось, также была не менѣе удивлена неожиданной встрѣчей.

— Вотъ не чаялъ, не гадалъ! воскликнулъ Андрей, невольно обнаруживая радость въ голосѣ и движеніи, съ какимъ поспѣшилъ онъ приподнять шапку: — гляжу... кто бы, думаю, такая?... а это ты... Ну, здорово, здорово...

— Здравствуй, Андрей! весело отвѣчала дѣвушка.

Дыханіе, спиравшееся въ груди ея отъ быстрой ходьбы въ гору, заставило ее на минуту остановиться; она приподняла довольно полновѣсный узелокъ,

висѣвшій у нея за пленами, и бережно поставила его на земь. Послѣ этого она взглянула на пахаря и, приложивъ руку къ груди своей, сказала:

— А я и вовсе не думала съ тобой встрѣтиться; иду: ужъ какъ-то страшно показалось мнѣ одной-то... подняла голову, вижу — идетъ человѣкъ: должно быть изъ нашихъ стариковъ запоздалъ за дорогой, думаю, гляжу, а это ты...

— Я развѣ молодой, по-твоему?... пробормоталъ, усмѣхаясь, мужикъ.

Онъ надѣлъ шапку, взглянулъ на дѣвушку и прибавилъ:

— Что такъ поздно собралась?

— И сама не рада, да что станешь дѣлать! раньше нельзя никакъ. Хозяева велѣли нести въ церковь куличъ, пасху и яйца, велѣли да ушли... Я дожидалась, пока куличъ испечется... послѣ обѣда только поставили.

— Ну, ладно, пойдемъ вмѣстѣ... все веселѣе будетъ!

— Пойдемъ!...

Дѣвушка торопливо подняла узелокъ, Андрей поправилъ шапку, и оба, ставъ рядышкомъ, продолжали взбираться на гору. Крутизна ли дороги, или тяжесть ноши на груди Андрея тому способствовали, но только сердце его билось почему-то сильнѣе; грустныя мысли, бросавшія тѣнь на лицо его, мигомъ разсѣялись; свѣтлѣй и свѣтлѣй становилось въ душѣ пахаря.

— Что ты несешь? спросила послѣ минутнаго молчанія Дарья, кивнувъ головою на грудь своего спутника, приподнятую спавшимъ подлѣ нея

ребенкомъ.

Андрей взглянулъ на дѣвушку и засмѣялся.

— Что ты смѣешься?...

— Угадай! произнесъ онъ, прикоснувшись слегка къ полушубку.

Дѣвушка остановилась, сдѣлала шагъ къ мужику и съ любопытствомъ пригнулась къ полушубку: въ эту минуту ребенокъ проснулся, открылъ глаза, протянулъ ножки и, взглянувъ въ лицо Дарьи, молча обвилъ ея шею рученками. Андрей поневолѣ долженъ былъ наклониться къ своей спутницѣ.

— А! такъ вотъ это кто!... сказала Дарья, разглаживая одной рукой волосы дѣвочки, тогда какъ другая рука ея старалась, но тщетно, отвести руки ребенка: — ну, полно, Ласточка, пусти меня... Послушай, Андрей, прибавила она, очутившись на свободѣ: — дай мнѣ, я понесу ее...

Ребенокъ потянулся къ дѣвушкѣ и сказалъ, что хочетъ къ ней на руки.

— А развѣ тебѣ тётушку Дарью не жаль? сказалъ отецъ убѣдительно: — вишь мы теперь въ какую гору идемъ: и безъ тебя ей тяжело, съ тобою — и совсѣмъ умается... Пойдемъ подъ гору — ступай къ ней, слова тогда не скажу.

Ласточка свернулась тогда по-прежнему клубочкомъ подъ кожухомъ, но такъ, однакожъ, чтобы можно было глядѣть на дорогу.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Андрей раздумывалъ, что бы такое сказать своей спутницѣ. Дарья также не говорила ни слова, думая, вѣроятно, о томъ же.

Обоимъ, видимо, стало почему-то неловко.

— Ты что это, Дарья, несешь? спросилъ наконецъ Андрей не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ.

— Куличъ, пасху и яйца несу святить, отвѣчала дѣвушка, поднявъ голову. — А гдѣ же твоя пасха? спросила она, оглядывая Андрея.

— Гдѣ моя пасха?... возразилъ, вздохнувъ, пахарь.

— Что жъ, развѣ нѣтъ у тебя? Экой ты какой! да ты бы къ намъ понавѣдался, попросилъ бы мою хозяйку... Она не стала бы перечить. У насъ много творогу осталось.

— Нѣтъ, Дарья, тошно ходить по людямъ, я и такъ, кажись, всѣмъ прискучилъ своею бѣдностью: нынче попросишь, завтра попросишь, а напослѣдяхъ и языкъ не повернется... Тошно такъ-то канючить, когда самъ, бывало, ни въ чемъ не нуждался!... Что говорить, своей доли не переможешь; такъ, знать, Творцу угодно... А давно ли, кажись, давно ли, вотъ шелъ я, какъ нынче иду съ тобою къ святой заутренѣ? были у меня и куличъ, и пасха, хошь и не больно велики, а все же не безъ нихъ шелъ, было чѣмъ встрѣтить праздникъ Господень! Шла со мной тогда и хозяйка... Помнишь? добрая была, дай ей Господь Богъ царствіе небесное! А теперь все отошло отъ меня, остался сиротка круглый... Тяжко, что говорить! а все, кажись, легче, коли кой-какъ самъ собой перемогаешься... Горекъ чужой хлѣбъ! ты, чай, и сама это вѣдаешь? прибавилъ онъ, взглянувъ на дѣвушку, которая шла подлѣ него молча, опустивъ голову. — Вотъ, повѣришь ли, до чего дошелъ, продолжалъ Андрей, придерживая Ласточку, которая не отрывала темныхъ глазъ отъ

блѣднаго лица пахаря: — до того дошелъ, что̀ нынче не было чѣмъ печь истопить: хворостина вся вышла, солома также, а купить не на что... Да чего! гроша нѣтъ на свѣчки; какъ вернусь домой съ заутрени, нечего будетъ поставить передъ образомъ...

Рука Дарьи быстро опустилась за пазуху и, секунду спустя, вынула клинушекъ холста, плотно связанный узломъ; она торопливо развязала зубами узелокъ, въ которомъ оказались два гроша, и, подавая одинъ изъ нихъ Андрею, сказала:

— Возьми... у меня два...

— Зачѣмъ?... пробормоталъ Андрей, останавливаясь въ недоумѣніи.

— Пригодится на свѣчку, отвѣчала Дарья, положивъ грошъ въ руку Андрея и принимаясь поправлять узелокъ на плечахъ.

Андрей хотѣлъ что-то сказать, взглянулъ на сиротку, замялся, махнулъ рукою и, сжавъ грошъ въ ладони, продолжалъ подыматься.

Минуту спустя, оба они очутились на вершинѣ горы, откуда открывались необозримыя поля, посреди которыхъ чернымъ, неопредѣленнымъ пятномъ раскидывалось село. Избушки, сараи и вётлы, ихъ осѣнявшія, сливались въ одну темную, непроницаемую массу, и только въ маленькихъ окнахъ деревянной церкви, которой остроконечная кровля четко вырѣзывалась на свѣтломъ небѣ, мелькало и бѣгало несмѣтное множество огоньковъ. Когда Андрей и Дарья остановились, первый, чтобы передать сироткѣ свою дочку, вторая, чтобы принять ее, звуки колокола, смолкнувшіе на время, снова охватили окрестность.

IV.

Вскорѣ достигли они села, обогнули его задами, чтобы избавиться отъ собакъ, и очутились на тонкомъ, хворостинномъ мосту. Направо отъ моста, за поворотомъ рѣчки, сверкавшей какъ лезвіе косы, въ крутыхъ берегахъ, подымалась мельница, казавшаяся со своими вѣтлами какою-то черною глыбой; налѣво, изъ-за небольшого косогора выглядывали кресты сельскаго погоста; прямо вела дорога на бугоръ съ возвышавшеюся на немъ церковью, мрачною и старинною; ее окружали со всѣхъ сторонъ крытые навѣсы и выступы, изъ-подъ которыхъ ярко свѣтились окна. Дарья передала Андрею Ласточку, взяла свой узелокъ, и, немного погодя, оба поднялись на паперть, а оттуда проникли въ церковь.

Церковь раздѣлялась пополамъ на два придѣла и вторая половина, въ которой совершалось богослуженіе, залитая ослѣпительнымъ блескомъ свѣчей и паникадила, рѣзко отдѣлялась отъ первой, оставшейся въ полумракѣ. Народу собралось такое множество, что нечего было и думать пробраться ко второму придѣлу. Отдѣленный толпою отъ Дарьи, Андрей кой-какъ протискался, однакожъ, между рядами прихожанъ, купить на грошъ тоненькую, желтую свѣчку, и достигнулъ угла, откуда можно было видѣть часть алтаря и своды, увѣшанные иконами. Немало стоило также трудовъ Андрею, чтобы угомонить Ласточку; обвивъ рученками шею отца и устремивъ глаза на ярко блиставшую часть церкви, она не переставала его засыпать вопросами. «Это что?... это что?...» спрашивала она поминутно, ласково

поворачивая за подбородокъ голову отца. Мало-помалу, однакожъ, головка дѣвочки опустилась на отцовское плечо, и сладкій сонъ оковалъ ея члены. Андрей бережно опустилъ дочку на полъ, прислонилъ ее къ углу, зажегъ свѣчку, перекрестился и сталъ вслушиваться въ чтеніе Евангелія.

Тишина, царствовавшая въ первомъ придѣлѣ, располагала какъ нельзя лучше къ молитвѣ. Изрѣдка лишь прерывала Андрея старушка-сосѣдка, которая, постучавъ ему по плечу свѣчкой, просила его передать ее сосѣду и поставить ее къ образу. Андрей бралъ свѣчку, стучалъ такимъ же порядкомъ въ плечо сосѣда, передавалъ ему просьбу старухи и снова углублялся въ молитву. Опустившись на колѣни и устремивъ глаза въ пропадавшую глубину церковнаго свода, Андрей, казалось, одно время забылъ все окружающее. Усердно молился бѣдный пахарь. Онъ молилъ Бога укрѣпить его духомъ, чтобы вынести терпѣливо и безропотно бѣдность и горе, его постигшее, молилъ Его ниспослать ему утѣшеніе и радость въ родномъ дѣтищѣ, молилъ не покидать его, горькаго, въ тоскѣ и кручинѣ сердечной...

Внезапно радостное, торжественное пѣніе послышалось съ клироса; свѣчи въ рукахъ прихожанъ угасли, какъ-будто однимъ дуновеніемъ, и дымъ отъ нихъ, смѣшиваясь съ дымомъ ладана, потянулся легкимъ, фіолетовымъ облакомъ въ темную даль свода. Народъ задвигался и заволновался. Веселье проглядывало на всѣхъ лицахъ; торжественное пѣніе, смѣшиваясь съ радостными восклицаніями: «Христосъ воскресъ!» раздалось во всѣхъ концахъ и огласило всю церковь. Всѣ цѣловались и обнимали другъ друга.

Немало поцѣлуевъ пришлось также на долю Андрея. Едва-едва поспѣвалъ онъ отвѣчать тѣмъ же. Всѣ почему-то тѣснились вокругъ него. Зная его бѣдность, каждый почти навязывалъ ему кусокъ кулича, пасхи или красное яйцо. Было теперь чѣмъ разговѣться бѣдняку!...

Андрей провелъ ладонью по глазамъ своимъ, поднялъ на руки дочку, перекрестилъ ее, вышелъ изъ церкви и вскорѣ очутился на дорогѣ. Вездѣ попадались веселыя лица сосѣдей, возвращавшихся цѣлыми семьями по домамъ; отовсюду раздавались радостныя, привѣтливыя восклицанія брата брату, мужа женѣ, отца или дѣда къ дочери, или сыну... Спускаясь съ горы къ Выселкамъ, Андрей увидалъ ряды огоньковъ, блиставшихъ въ избушкахъ; онъ обратилъ глаза къ околицѣ: одна его лачужка глядѣла темнымъ пятномъ...

V.

Когда онъ пришелъ домой, внутренность избушки показалась ему еще непривѣтливѣе ея наружности. Мрачно и холодно! Андрей снялъ съ себя кожухъ, закуталъ въ него спавшую Ласточку и уложилъ ее на лавочку. Уставивъ столъ обломками кулича и пасхи, полученными въ церкви, онъ нащупалъ кончикъ желтой восковой свѣчки, тщательно сбереженной имъ послѣ заутрени, и, подавивъ вздохъ, подошелъ въ печкѣ. Онъ отодвинулъ заслонку и принялся шарить въ загнеткѣ [3]. Тутъ только

[3] Такъ называютъ лѣвый уголъ въ печкѣ, куда обыкновенно загребаютъ

вспомнилъ Андрей, что печь его не топилась нѣсколько дней, и что нечѣмъ было ему засвѣтить свѣчки передъ образомъ. Тоска одолѣла имъ. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ въ какой-то тяжелой нерѣшимости и наконецъ покинулъ избу.

Улица, исполосованная свѣтомъ, выходившимъ изъ оконъ, ярко выступала изъ мрака; говоръ и восклицанія, раздававшіеся внутри избушекъ, придавали Выселкамъ что-то праздничное. Очутившись на улицѣ, Андрей направился прямо къ сосѣдней избѣ. Онъ приблизился къ заваленкѣ и постучался въ окно.

— Кто тамъ? отозвался хриплый, разбитый голосъ.

— Я... Андрей...

— Чего тебѣ?

— Ссуди огонькомъ, тётушка Анна, нечѣмъ лучины вздуть...

Окно поднялось; изъ него выглянуло сморщенное лицо старушонки.

— Вишь нашелъ время огня просить! нешто не вѣдаешъ, нонѣ день какой?... Самъ, небось, не топилъ печки, да на сторону ходишь!...

— Что жъ, тетушка Анна, не убудетъ у тебя, — полно! произнесъ Андрей, качнувъ головой.

— То-то не убудетъ, не убудетъ! подхватила старушка полушутливо, полуворчливо: — а ты, касатикъ, поди къ сосѣдямъ, что они тебѣ скажутъ... Словно, право, новый ты человѣкъ, не знаешь...

— Ну, Господь съ тобой, коли такъ! отвѣчалъ

жаръ.

Андрей, повернулся и пошелъ на противоположный конецъ улицы — стучаться въ другое окно.

Но изъ этого окна вышелъ тотъ же отвѣтъ. Онъ постучался въ третье, въ четвертое — никто не рѣшался исполнить его просьбу, каждый отсылалъ его къ сосѣду. [4]

Понуривъ голову, съ стѣсненнымъ сердцемъ возвращался Андрей домой; онъ уже подходилъ къ воротамъ, когда, поднявъ голову, остановился и невольно устремилъ глаза за околицу.

Тамъ, далеко-далеко, въ темной, пустынной равнинѣ, дрожалъ огонекъ.

«Должно быть, чумаки какіе, либо обозники собрались на ночевье, подумалъ Андрей. — А что, пойду-ка я къ нимъ, авось не отгонятъ!» присовокупилъ онъ, направясь къ свѣтящейся точкѣ, которая между тѣмъ разгоралась и увеличивалась.

Андрей ускорилъ шагъ и вскорѣ очутился подлѣ огня.

Десятка два подводъ, съ пригнутыми кверху оглоблями, обступали серпомъ костеръ изъ древесныхъ сучьевъ, надъ которымъ висѣлъ котелъ. Подлѣ подводъ и немного поодаль лежали волы, казавшіеся огромными мѣловыми глыбами посреди глубокой тѣни, наброшенной на нихъ подводами и

---

[4] Въ большіе праздники и особенно наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья рѣдкій поселянинъ рѣшится дать сосѣду огня, изъ опасенья, чтобы требуемое взаемъ не вывелось изъ дому. То же соблюдается и въ тѣ дни, когда въ полѣ въ первый разъ засѣваютъ. Если у кого-нибудь изъ сѣющихъ недостанетъ хотя одного гарнца сѣмени, будь онъ братъ родной, другой не одолжитъ ему зерна въ полѣ, боясь, чтобы не вывелся у него хлѣбъ и не перешелъ къ другому.

спинами чумаковъ, заслонившихъ пламя. Чумаки сидѣли рядышками и, поджавъ подъ себя ноги, тѣсно окружили костеръ. Смуглые, усастые, покрытые загаромъ и дегтемъ, они не трогали ни однимъ членомъ, не произносили ни одного слова, и только движенiе пламени, бросая поперемѣнно свѣтъ, или черныя тѣни, оживляло ихъ лица съ мрачно нависнувшими бровями. — Погруженные въ молчаливое раздумье, они, казалось, не замѣчали посторонняго лица.

— Здравствуйте, братцы! произнесъ Андрей, подходя ближе.

— Здравствуй и ты! отозвались въ одинъ голосъ сидѣвшiе.

— Хлѣбъ да соль, братцы! — Христосъ воскресъ! — присовокупить Андрей, нагибаясь къ первому, сѣдому какъ лунь, старику съ бѣлыми какъ снѣгъ усами.

Старикъ медленно приподнялся съ своего мѣста, сотворилъ крестное знаменiе, произнесъ: — «Воистину воскресъ!» провелъ ладонью по усамъ и поцѣловался съ Андреемъ. Такимъ образомъ Андрей обошелъ весь кружокъ, и, перецѣловавшись съ каждымъ, вернулся снова къ старику, который сидѣлъ уже передъ огнемъ.

— А я, братцы, вотъ зачѣмъ, началъ онъ, оглядывая присутствующихъ, которые по-прежнему стали недвижны: — я вотъ зачѣмъ: не ссудите ли вы меня огонькомъ?...

— Изволь! отрывисто сказалъ старикъ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ засучилъ по-локоть прорванные рукава рубахи, запустилъ жилистыя,

обнаженныя руки въ самую середину костра, который яростно трещалъ, метая золотыя искры въ темносинее небо, и набравъ полныя пригоршни пылающаго угля, подалъ ихъ Андрею, промолвивъ:

— Держи полу!

«Что-жъ, подумалъ Андрей: — коли Христовъ человѣкъ своими руками, творившими крестное знаменіе, жаръ загребаетъ и не обжигается, бояться знать нечего; и моя грѣшная пола́ не прожжется!...»

Онъ подставилъ полу подъ руки старика; старикъ высыпалъ въ нее пылающій уголь и снова повернулся къ костру.

— Спасибо вамъ, братцы, за добро ваше! сказалъ Андрей, кланяясь.

— Съ Богомъ! отвѣчалъ старикъ.

— Съ Богомъ! повторили въ одинъ голосъ остальные чумаки.

Андрей поклонился еще разъ и бѣгомъ, безъ оглядки, пустился домой.

VI.

Войдя въ избу, Андрей высыпалъ уголь подлѣ заслонки и, убѣдившись хорошенько, что пола̀ его была цѣла, вздулъ лучину. Минуту спустя, кончикъ желтой восковой свѣчи затеплился въ красномъ углу передъ иконой и, смѣшавшись съ свѣтомъ лучинки, озарилъ избушку яркимъ блескомъ. Все вокругъ какъ бы улыбнулось и повеселѣло. Даже у самого Андрея отлегло отъ сердца. Вѣрный святому обряду, онъ разбудилъ Ласточку, усадилъ ее на лавку противъ обломковъ кулича и пасхи, перекрестилъ ребенка,

самъ перекрестился, и оба принялись разговляться. Трапеза приближалась уже къ концу, когда кто-то неожиданно постучался въ дверь.

— Кто тамъ? спросилъ Андрей.

— Я, я, касатикъ! отвѣчалъ разбитый голосъ.

Дверь скрипнула, и въ избу вошла сгорбленная, сморщенная старушонка.

— Это ты, тётушка Анна!... добро пожаловать?... Ну, тётушка: «Христосъ воскресъ!» весело произнесъ Андрей, подходя къ сосѣдкѣ и принимаясь обнимать ее.

— «Воистину воскресъ!» касатикъ... воистину: — охъ, родной ты мой!... а я чаяла, ты серчать на меня станешь...

— Съ чего-жъ серчать: всякъ властенъ въ добрѣ своемъ, тётушка Анна; ты пожалѣла ссудить огонькомъ — ссудили другіе... Видитъ Богъ, я на тебя не серчаю... Скажи, зачѣмъ пришла?

— Касатикъ! начала старушка, скрестивъ руки на груди и наклонивъ на бокъ голову. — Касатикъ, продолжала она заискивающимъ голосомъ: — одолжи кочергу, родной; ребятёнки затащили нашу ни вѣсть куда; бились, бились, — не найдемъ; хлѣбы поспѣли, а вынуть нечѣмъ...

— Только-то!... э!... есть о чемъ разговаривать!... бери...

— Охъ, касатикъ ты мой! да гдѣ-жъ она у тебя?

— А вонъ, тамъ, у печки.

Старушка подошла къ печкѣ и начала шарить. Вдругъ она всплеснула руками, нагнулась къ заслонкѣ, вскрикнула, опять всплеснула руками и заметалась какъ угорѣлая.

— Батюшки! касатики вы мои!... Охъ, Андрей! подь сюда; погляди-ка, что это у тебя!... Охъ родные вы мои!... ахъ!... ахти, Господи!...

— Что ты, тётушка?... что съ тобой? произнесъ Андрей, подбѣгая къ сосѣдкѣ.

— Погляди-касъ, продолжала она, указывая на то мѣсто, куда Андрей высыпалъ уголь.

— Ну, что-жъ? уголь!... Что ты?

— Какой уголь!... Ахъ ты, простой сынъ!... погляди-ка, погляди... деньги! Батюшки, касатушки... ворохъ... цѣлый ворохъ денегъ.

Андрей подошелъ ближе и остановился какъ вкопанный. На мѣстѣ золы и угля сверкали двѣ добрыя пригоршни золота!

— Я, тётушка, не знаю... пробормоталъ пахарь, крестясь и отступая: — видитъ Богъ, не знаю...

— Какъ не знаешь?... да отколь же у тебя? слышь ты?... охъ! воскликнула старушка, снова всплеснувъ руками.

— Видитъ Богъ, не знаю, тётушка Анна!... пошелъ я за огнемъ... чумаки стоять у насъ въ полѣ... они мнѣ насыпали... двѣ пригоршни насыпали.

— Чумаки! батюшки! двѣ пригоршни!... ахти, Господи!... касатики вы мои! воскликнула старушка и, недоговоривъ остального, бросила кочергу и кинулась со всѣхъ ногъ изъ избы.

Всѣ мысли заходили кругомъ въ головѣ Андрея; нѣсколько минутъ стоялъ онъ какъ прикованный къ полу; наконецъ подошелъ къ печкѣ, перекрестился и притронулся къ блистающей горкѣ, которая зазвенѣла подъ руками его: точно, передъ нимъ лежали цѣлыхъ двѣ пригоршни золотыхъ

червонцевъ, одинъ другого краше и лучше. Холодный потъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ пахаря; крики и шумъ, раздававшіеся на улицѣ, заставили его, однакожъ, скоро опомниться; полный неопредѣленнаго страха, онъ плотно заперъ за собой дверь и выбѣжалъ за ворота.

На улицѣ происходила какая-то суматоха и сутолока; всѣ бѣгали изъ конца въ конецъ какъ шальные; всѣ кричали и суетились. Посреди всеобщаго гама раздавались пронзительныя восклицанія Анны: — «Батюшки, свѣтики мои! Чумаки въ полѣ у насъ! охъ!... чумаки деньгами обдѣляютъ... Андрею... сама видѣла... двѣ пригоршни насыпали!...» Только и слышно было: — «Гдѣ какіе? чумаки? ой-ли? пойдемъ туда... скорѣй!... тащи рѣшето! тащи ведро!... бери горнушку!... скорѣй, вотъ они!... туда! туда!...»

Андрей провелъ ладонью по головѣ, потомъ протеръ глаза и взглянулъ за околицу. Посреди темной равнины все еще пылалъ костеръ.

— Что такое, Андрей? что они? произнесъ тихій голосъ за спиною пахаря.

Андрей обернулся. Передъ нимъ стояла Дарья.

— Куда это бѣжитъ народъ? продолжала сиротка: — что съ ними?... слышь, слышь, твое имя поминаютъ... вонъ... ну, всѣ ударили за околицу!...

— Чумаки! могъ только проговорить Андрей, указывая дрожащею рукою на костеръ, пылавшій въ отдаленіи: — я пошелъ къ нимъ за огнемъ... они насыпали мнѣ двѣ пригоршни угля, пришелъ домой, смотрю: деньги!...

— Что ты, какія деньги?

— Деньги... все на подборъ золотыя... Ступай,

погляди сама, коли не вѣришь...

Сиротка оглянулась на стороны и, сопровождаемая Андреемъ, вошла въ избу.

— И взаправду!... вотъ диковинка, сколько ихъ! воскликнула дѣвушка: — а гдѣ же Ласточка?... Ласточка, Ласточка! подь сюда скорѣй, продолжала она, поднявъ на руки ребенка и подходя съ нимъ къ печкѣ: — погляди-ка, погляди, что у тятьки!... Батюшки, и не пересчитаешь!... Плакался ты, Андрей, на свою бѣдность: вотъ Богъ и послалъ тебѣ... теперь ты богатъ!... Богаче тебя у насъ въ Выселкахъ не будетъ! прибавила она, устремляя блиставшіе отъ радости глаза на лицо пахаря.

Сердце сильно застучало въ груди Андрея; онъ взглянулъ на золото, потомъ на дѣвушку, отступилъ шагъ и произнесъ не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ:

— А пойдешь за меня замужъ, Дарья?...

— Пойду!... отвѣчала она, опустивъ голову и принимаясь перебирать съ необыкновенною поспѣшностью окраину передника.

. . . . . .

Народъ изъ Выселокъ успѣлъ между тѣмъ давно очутиться подлѣ костра.

— Батюшки, родные вы наши, касатики ненаглядные! кричали наперерывъ двадцать человѣкъ, тискаясь другъ на дружку и обступая чумаковъ, которые сидѣли по-прежнему, такъ же неподвижно: — не оставьте насъ: ссудите огонькомъ, родные вы наши!..

— Изволь! произнесъ наконецъ старшій изъ чумаковъ, тотъ самый, къ которому обращался Андрей.

— Батюшки, касатики, родные! закричали въ одинъ голосъ Выселовцы громоздясь какъ угорѣлые другъ на дружку и подставляя кто руки, кто рѣшето, кто ведро.

Старикъ засучилъ рукава и, не поворачивая головы къ обступившему его народу, прибавилъ:

— Много васъ... не хватитъ помногу, мы думали одинъ.

— Золотой ты мой, хоть пригоршенку! закричала Анна, просовывая отчаянно между руками и головами сосѣдей подолъ новой понявы.

— Хоть уголечекъ, касатикъ! крикнула другая, подставляя рѣшето.

— Сюда, сюда, дѣдушка!...

— Охъ, мнѣ не досталось! пропустите!... ой, касатики, пропустите!...

— Держи полу! сказалъ старый чумакъ, запуская руки въ костеръ и выгребая остатокъ горячаго угля въ подставленные зипуны, подолы и шапки.

Такимъ образомъ всѣ были надѣлены.

— Съ Богомъ! произнесъ отрывисто старый чумакъ, насупивая брови и поворачиваясь къ костру.

— Съ Богомъ! промолвили другіе чумаки.

Но Выселовцы ничего уже не слышали. Они стремглавъ бѣжали къ околицѣ, придерживая руками полы зипуновъ и кармановъ. Очутившись на улицѣ, Выселовцы поубавили шагъ.

— Ой, батюшки! воскликнула неожиданно тётка Анна, останавливаясь посреди тѣснившихся вокругъ нея сосѣдей.

— Охъ, касатики! внезапно послышалось съ

другой стороны бѣжавшей толпы.

— Что тамъ?

— Ухъ! пронзительно взвизгнулъ кто-то въ другомъ концѣ.

— Обманули, разбойники! заголосила вдругъ Анна, выпуская, полу, изъ которой валилъ чадъ и сыпался уголь.

— Батюшки, горю! крикнула другая баба.

— Тушите! тушите! понява горитъ!... ой, зипунъ! новый зипунъ! обманули!... туши! туши! ахъ! заголосили въ одинъ голосъ на улицѣ Выселокъ.

И всѣ, сколько не было народу, опустили подолы, побросали шапки и запрыгали другъ подлѣ друга.

Какъ только прошелъ первый страхъ, всѣ оглянулись къ околицѣ. Но костра уже не было. Вдалекѣ лишь, посреди темной равнины, слышался скрипъ телѣгъ и мѣрный топотъ воловъ, который постепенно умолкалъ и терялся...

— Держи ихъ! крикнулъ кто-то изъ толпы.

Но никто не послушался этого крика. Ощупывая пóлы прожженой одежды и повѣсивъ головы, Выселовцы печально расходились по домамъ.

Можно смѣло утверждать, что одинъ Андрей былъ счастливъ и веселъ въ этотъ вечеръ. Онъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь, никогда не встрѣчалъ онъ такъ радостно Свѣтлаго праздника! Едва блеснулъ день, Андрей не выдержалъ и вышелъ за ворота. Утро было чистое и ясное. Народъ сбирался на улицѣ. Длинная плетеница парней и дѣвушекъ, впереди которыхъ шла Дарья, выходила за околицу (выкликать весну). Звонкая пѣсня огласила окрестность:

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью!
Весна красна,
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ!...

И никогда еще ни одна пѣсня не отзывалась такъ радостно въ кроткой душѣ Андрея!

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (https://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровенковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка… Смѣнялись поколѣнія… Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города… Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобныхъ селъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ…

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположенiй, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставрацiи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданiе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документацiи.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленiя храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованiе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россiи», Санктъ-Петербургъ.
ИНН получателя: 7816290748.
Получатель: Фондъ возстановленiя церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.
Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.
БИК Банка получателя: 044030653.
Назначенiе платежа: Благотворительное пожертвованiе.

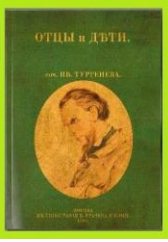
Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРѲОГРАФІИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненныя въ авторской (дореформенной) орѳографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для цѣнителей русскаго языка.



Доступны на

ozon.ru выбирайте

Пріобрѣсти книги вы можете перейдя по адресу: https://pravopisanie.xram-v-yazvichax.ru, а также въ Интернетъ-магазинѣ OZON.

ПРОЕКТ
РЕСТАВРАЦИИ
ЦЕРКВИ
СВЯТОЙ
ЖИВОНОЧАЛЬНОЙ
ТРОИЦЫ
ЮЖНЫЙ ФАСАД